

Гу Хуайцин слегка нахмурился, инстинктивно откинулся назад и сказал:

— Я наелся, пойду приведу себя в порядок.

— Не шевелись... — Дуань Минчэнь протянул руку и взял Гу Хуайцина за подбородок, а другой ладонью коснулся уголка его губ, нежно вытирая. — Погляди на себя, весь в масле.

Гу Хуайцин не мог вырваться, да и тело его странно обмякло, так что он в растерянности позволил Дуань Минчэню вытирать себе губы, пока те не стали алыми, словно подкрашенными кровью, — соблазнительными и порочными.

Дуань Минчэнь с восхищением смотрел на эти мягкие, яркие уста, невольно вспоминая самый безумный из своих снов. Там Гу Хуайцин был таким же: в белоснежной нижней одежде, с шелковистыми тёмными волосами, ниспадающими на щёки, а его горячие, мягкие губы обхватывали... даря невыразимое, разъедающее душу блаженство...

Возможно, взгляд Дуань Минчэня был слишком пламенным, а дыхание — слишком жарким и властным. Гу Хуайцин почувствовал инстинктивную опасность, вырвался из его хватки и, широко раскрыв глаза, спросил:

— Брат Дуань, что с тобой?

Дуань Минчэнь очнулся от сладостных грёз. Испуганный взгляд Гу Хуайцина стал словно ушат холодной воды, мгновенно вернув его к реальности. Он с отвращением отрёкся от своих грязных мыслей.

Быстро взяв себя в руки, Дуань Минчэнь сделал вид, что ничего не произошло:

— Ничего, просто устал. Я велю принести горячей воды, а заодно пойду поговорить кое о чём с остальными. Не жди меня, помойся и ложись пораньше.

Гу Хуайцин задумчиво смотрел на удаляющуюся спину Дуань Минчэня. Тот всегда был спокоен и стабилен, его навыки цигун превосходны, но только что его дыхание явно сбилось, а шаги стали немного поспешными. Для мастера это было очень опасно.

Раньше он держался холодно и отстранённо, лишних слов не говорил, а теперь вдруг самолично приготовил угощение, и всё его поведение стало странным. Не будь его взгляд таким ясным, Гу Хуайцин мог бы и впрямь решить, что Дуань Минчэнь сошёл с ума от неудачной практики.

Гу Хуайцин был озадачен этой внезапной переменой от холода к теплу. Сколько ни ломал голову, причину найти не мог. Однако то, что Дуань Минчэнь сам пошёл на сближение и перестал хмуриться, заметно улучшило его настроение.

Спустя некоторое время жена охотника приготовила горячую воду и пришла сообщить об этом Гу Хуайцину. Тот поднялся, отправился в банную комнату помыться, привёл себя в порядок и вернулся в комнату. Несколько дней в пути изрядно вымотали. Даже с его глубокой внутренней энергией усталость давала о себе знать — в конце концов, во дворце он привык к роскоши и покою и никогда не знал тягот таких дальних переходов.

Дуань Минчэнь, как и следовало ожидать, не вернулся. Гу Хуайцин и не думал его ждать. Вытерев волосы и переодевшись в чистую нижнюю одежду, он сонно зевнул и собрался лечь спать.

Эта комната изначально была спальней охотника и его жены. В ней стояла крепкая деревянная двуспальная кровать.

Парочка, судя по всему, была новобрачной: всё постельное бельё было парным — алое покрывало с утками-мандаринками, резвящимися в воде, парные подушки с вышивкой «сто детей», полог же был романтического розового цвета, а на его углу висел алый узел единения, отчего веяло праздничной атмосферой.

Гу Хуайцин криво усмехнулся. Двум взрослым мужчинам спать на такой брачной кровати было и впрямь немного странно. И, как нарочно, одеяло было всего одно.

Гу Хуайцин нахмурился, но в конце концов всё же откинул одеяло, закутался в него с головой, лёг лицом к стене, спиной к комнате.

Когда Дуань Минчэнь вернулся в комнату и откинул полог, он увидел, что Гу Хуайцин свернулся калачиком в ногах кровати, укутавшись, как шелковичный червь в коконе, и лишь тёмный затылок выглядывал наружу.

Дуань Минчэнь беззвучно улыбнулся уголками губ, а сердце его дрогнуло от нежности. Он снял пояс и сапоги и прилёг на внешнем краю кровати, не раздеваясь.

Хотя Дуань Минчэнь двигался тихо, Гу Хуайцин, будучи бойцом, обладал высокой бдительностью и тут же проснулся. Он перевернулся, потирая заспанные глаза, и пробормотал:

— А... ты вернулся...

Увидев, что Дуань Минчэнь лёг спать в верхней одежде, Гу Хуайцин закусил губу, раздумывая. Внутренне поборов себя, он наконец сказал:

— На улице довольно холодно, а одеяло всего одно. Может, сожмёмся вместе...

С этими словами он приподнял одеяло. На нём была лишь нижняя рубаша и штаны. Дуань Минчэнь одним взглядом охватил его тело, белое, словно яшма, и тёплое дыхание ударило ему в лицо. Голова, лишь недавно остывшая после долгого пребывания на холодном ветру, вновь закипела горячей волной.

Дуань Минчэнь бросил лишь один взгляд и поспешно отвёл глаза. Если смотреть дольше, он, чего доброго, превратится в зверя и набросится. Внутри он принялся твердить про себя сто раз: «Форма есть пустота, пустота есть форма».

— Эй, тыходишь или нет? — недовольно сверкнул на него глазами Гу Хуайцин. Ночью температура низкая, он из добрых побуждений делится половиной одеяла, а этот стоит как вкопанный и не двигается. Еле-еле согретое ложе теперь снова продувает холодом.

Дуань Минчэнь слегка кашлянул, поправил края одеяла и сказал:

— Не надо. Укрывайся ты. Моя внутренняя энергия относится к школе чистого ян, холода я не боюсь.

— Ладно, — Гу Хуайцин не стал настаивать, снова улёгся и укутался в одеяло. От природы его телосложение было склонным к холоду, и боевые искусства он практиковал по более иньскому, мягкому пути. Раз Дуань Минчэнь не боялся холода, он с радостью прибрал одеяло себе.

Двуспальная кровать была невелика, и двум взрослым мужчинам лежать бок о бок было тесновато, так что пришлось лечь на бок, спиной друг к другу.

Оба лежали тихо, но мысли у каждого были свои. Особенно у Дуань Минчэня: человек, о котором он грезил во сне, лежал прямо рядом, его аромат витал в воздухе, его дыхание было слышно у самого уха. Это было сладкой мукой. Но он знал: у Гу Хуайцина к нему нет таких чувств. Более того, тот, кажется, в этих делах ещё и не просвещён. Если наскоком выложить всё как есть, можно лишь всё испортить. Так что оставалось только сдерживаться.

Прошло много времени, а Гу Хуайцин всё не мог заснуть. В конце концов он перевернулся, толкнул Дуань Минчэня и тихо спросил:

— Эй, ты спишь?

— М-м... — невнятно отозвался Дуань Минчэнь.

— Я тоже не могу уснуть. Давай поговорим.

— О чём? — Дуань Минчэнь перевернулся на спину, бесстрастно уставившись в верхушку полога, не глядя на того соблазнительного и не ведающего о том искуителя, что лежал рядом.

Гу Хуайцин выбрался из-под одеяла, приблизился к Дуань Минчэню, почти прильнув к нему всем телом.

Сердце Дуань Минчэня забилось чаще. Он хотел и обнять его, и оттолкнуть — внутри шла яростная борьба.

— Что же ты молчишь? — недовольно ткнул его пальцем в бок Гу Хуайцин и тут же почувствовал, как Дуань Минчэнь вздрогнул, а все мышцы его мгновенно напряглись.

Гу Хуайцину показалась эта реакция забавной. Он злорадно усмехнулся:

— О, так ты боишься щекотки?

И продолжил свои проделки, беспорядочно щекоча Дуань Минчэня руками. Тот, не в силах больше терпеть, схватил его за запястье и хрипло буркнул:

— Хватит баловаться!

Хватка у Дуань Минчэня была железной. Гу Хуайцин почувствовал, как запястье болезненно сжалось, дёрнул руку назад и недовольно пробормотал что-то себе под нос. Но вскоре вновь не выдержал и заговорил с Дуань Минчэнем:

— Как думаешь, мы поймаем Сянъе Сюнфэя?

Дуань Минчэнь ответил:

— Сянъе уже обнаружил себя. Генерал Хо выслал людей следить за ним, каждое его движение под контролем. Сбежать ему не удастся.

— Хм, хоть так и говорят, но у меня на душе беспокойно. Чувствую, что всё не так просто.

— Армия клана Ци всегда славилась надёжностью, их влияние в этих местах глубоко укоренилось. Если уж они не справятся, то другим и думать нечего, — пояснил Дуань Минчэнь.

Потом, немного помедлив, взял Гу Хуайцина за запястье. На коже, белой, как бараний жир и яшма, остался явный красный след. — Я тебе больно сделал?

Гу Хуайцин покачал головой:

— Ничего. Я не фарфоровая ваза, не такой уж хрупкий.

Дуань Минчэнь рассмеялся. Его большая ладонь обхватила запястье Гу Хуайцина, тёплая внутренняя энергия мягко разогнала застой крови и опухоль. Затем он засунул его руку обратно под одеяло, заботливо поправил уголок и погладил по голове:

— Не думай о лишнем. Спи. Завтра рано вставать.

Гу Хуайцин свернулся под одеялом. Запястье его было тёплым. Он не знал, с каких это пор этот человек полюбил гладить его по голове. Ведь он уже не ребёнок, хотя... это и не было неприятно.

Дуань Минчэнь, которого Гу Хуайцин изрядно взволновал, с трудом успокоился и наконец погрузился в глубокий сон.

Гу Хуайцин же заснул быстро, тихонько похрапывая. Спал он беспокойно, так что даже сбросил одеяло. А посреди ночи, почувствовав холод, инстинктивно придвинулся к источнику тепла и крепко обнял его, не отпуская.

<http://bllate.org/book/16283/1466873>